УДК 002: 281.93-3(571.54)
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-272-277

© *С. В. Бураева*

Книжные маргиналии забайкальских старообрядцев: происхождение, форма, размещение

Статья посвящена важному источнику по истории и культуре семейских Бурятии – записям на книгах и рукописях. Автор констатирует накопление существенного объема эмпирических данных и начальный уровень классификации записей на книгах. Проанализированы владельческие, писцовые, мемориальные, нарративные и др. маргиналии. Они содержат сведения о путях формирования семейных собраний (передача по наследству, купля-продажа, дарение) и бытовании книжных памятников различных групп. Маргиналии позволяют персонифицировать книжно-рукописную традицию Бурятии, выявить географию межличностных связей, уточнить круг и возможности чтения семейских Бурятии. Сделан вывод о необходимости системного изучения записей в контексте разнообразной исследовательской тематики отечественной истории и культуры.

Ключевые слова: археография, книжная культура, книжно-рукописная традиция, старопечатные книги, рукописи, записи, маргиналии, старообрядчество, семейские, Бурятия

S. V. Buraeva

Book marginalia of Western Old Believers: development, forms, placement

The article is dedicated to important source for the history and culture of Old Believers in Buryatia, such as side notes in books and manuscripts. The author states the fact of significant amount of empiric data accumulation and the entry level of side notes classification. Owners, writers, memorial, narrative and other marginalia have been analyzed. They contain the information about the ways of collection formation (inheritance, buy and sell, donation) and life of the books from different groups. Marginalia helps to personalize book-writing tradition in Buryatia, reveal the interpersonal connection geography, and specify the circle and capabilities for reading of Old Believers in Buryatia. The author comes to conclusion that systemic study of marginalia in the context of various research subjects of national history and culture are necessary.

Keywords: archeography, book culture, book writing tradition, early printed books, mauscripts, notes, marginalia, Old Belief, semeyskie, Buryatia

В исторической науке с начала XXI в. существенно вырос интерес к книжной культуре, концентрируясь на изучении роли книжной традиции в процессе формирования, сохранения, трансформации и трансляции историко-культурного наследия, проблемах бытования письменного текста в разные эпохи и в различных культурных ареалах, изучении конкретных читательских практик. Эта проблематика может быть исследована и через призму читательских/писцовых помет и записей, оставленных на полях или между строк рукописей.

Такого рода записи (или маргиналии) содержат многие книги забайкальских старообрядцев. В археографии маргиналии (позднелат. *marginalis* — «находящийся на краю») – это рисунки и записи на полях книг и рукописей, содержащие комментарии, толкования, мнения относительно фрагментов текста или мысли, вызванные ими. Первоначально *маргинал* называли рисунки, украшающие поля

средневековой рукописи, и иногда надпись на них, причем последняя могла совершенно не соответствовать общей концепции оформления книги. Заметим, что в данном смысле термин *маргинал* как «нечто выбивающееся из общего русла» перекочевал в социологию.

Уже в конце XIX в. исследователи рукописного наследия обратили внимание на эту необычную составляющую книжных памятников. В трудах К. Калайдовича, П. Строева, П. Фомина, А. В. Горского, К. И. Невоструева и др. сохранились первые попытки систематизации записей и осознание необходимости создания свода книжных записей. В середине 20-го столетия серьезное внимание исследованию записей уделял М. Н.Тихомиров. В «Археографическом ежегоднике» 1960-х гг. публиковались статьи К. М. Асафовой, Т. Н. Протасьевой, Н. А. Баклановой, Л. М. Костюхиной, С. И. Сметаниной. В 1970-80-х гг. теоретические и практические аспекты исследования книжных маргиналий углубленно изучал Е. М. Апанович, неоднократно обращались к теме и Е. Л. Немировский, М. В. Кукушкина, И. А. Гузнер, Ю. А. Лабынцев, И. В. Поздеева, Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, М. М. Шведова и др.

Границы исследования (и территориально, и тематически) существенно расширились в постсоветский период. Археографы из Москвы (Л. И. Кисилева, Л. В. Зимина, Ж. Н. Иванова), Ставрополя (Н. И. Алексеева), Пскова (Т. К. Шаховская), Северного Кавказа (И. И. Горлова, А. И. Слуцкий), Русского Севера (Е. А. Емельянова, О. В. Пригодина), Урала (С. А. Кудрявцев) и других регионов публиковали теоретические и описательные работы, в том числе и о возможностях компьютерной обработки книжных записей и создания единой базы данных. Появились и первые сводные и монографические издания [Корпус записей, 1992; Столярова, 1998; Столярова, 2000 и др.].

В текущем десятилетии эти тенденции сохранились, кроме того записи на книгах становятся специальной темой ряда научных конференций. Так, в 2010 г. состоялась конференция «Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней», посвященная исследованию внутреннего пространства средневековых рукописей: сложных взаимосвязей, возникающих между текстом, иллюстрациями к нему, маргиналиями на полях, дополнениями и вставками. Проблеме «прочтения» средневековых маргиналий и их неоднозначных отношений с письменным текстом был посвящен и доклад И. Данилевского (ИВИ РАН, Москва).

В июле 2014 г. лабораторией исторической, социальной и культурной антропологии Саратовского государственного университета были проведены XII Пирровы чтения «Маргиналы и маргиналии. Интерпретация культурных кодов», где обсуждались темпоральные и пространственные аспекты маргинальности; «рисунки на полях» vs. «заметки на полях» и т. п. Спустя полгода, в октябре 2014 г, в Институте всеобщей истории РАН прошел круглый стол «Маргиналии в рукописях: Практики чтения и культура текста в Средние века». Исследователи обсудили причины появления маргинальных записей в разных типах текстов (нарративных, хозяйственных, правовых, научных и т. д.) и в разные периоды времени; формы и содержание маргинальных записей (исправления, дополнения, уточнения, комментарии, рисунки, маникулы, графические

пометы, специальные знаки и т. д.); логику расположения маргиналий на странице конкретной рукописи; характер соотношения маргиналий с содержанием основного текста рукописи; цель и задачи, которые были призваны решать конкретные читательские пометы; формирование определенных практик чтения в отношении конкретных типов текстов, их распространение на другие типы текстов, причины и механизмы этого процесса.

Записи на книгах и рукописях старообрядцев Бурятии пока не стали предметом углубленных исследований. Однако можно констатировать существенное накопление эмпирических данных и начальную классификацию выявленных записей в работах автора настоящего сообщения и региональных каталогах книг и рукописей кириллической традиции [Русские… 1995; Книги… 1999; Старопечатные… 2002; Бородихин, 2009; Казанцева, 2010; Бураева, 2003, 2013].

Обнаруженные нами записи располагаются на длительном временном отрезке – от XVI до середины XX в. (недаром председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР А. И. Копанев называл записи на книгах «извечным обычаем людей» [Корпус…с. 6]). Графическая форма и техника письма записей отличаются большим разнообразием – они выполнены полууставом, скорописью разных веков, каллиграфическим современным письмом. Для написания использовались как железистые, так и фабричные чернила, простой и «химический» карандаш; некоторые записи начала XX в. выполнены в виде штампа.

Классифицировать записи можно по признакам их происхождения и назначения; использованная нами классификация была предложена И. В. Поздеевой [Поздеева, 1976, с. 39-74]. К первой категории могут быть отнесены записи, связанные с процессом возникновения данного экземпляра издания (авторские записи, записи писцов, типографские пометы). Записи второй категории – владельческие – наиболее многочисленны; к ним относятся вкладные, купчие, запродажные, дарственные, читательские, пометы для исполнителей, учебные, уточняющие. Записи такого вида не только дают нам свидетельство об особенностях функционирования книги, но и вводят в определенную систему средневековой культуры, книжной по преимуществу. Третью категорию составляют записи, не связанные с содержанием непосредственно: нотариальные, хроникальные, календарные, хозяйственные, различные замечания, пословицы и загадки.

В настоящем сообщении мы обратимся к анализу лишь части известного нам корпуса записей, а именно – к маргиналиям на полях и переплетных листах книг и рукописей забайкальских старообрядцев. Прежде всего отметим отсутствие авторских записей и незначительное число писцовых. Последние встречаются с указанием не только имени (фамилии), но и места и времени написания, названия книги, фамилии заказчика (иногда с указанием его места жительства), а также «обращением к читателю»: «Сия святая и богодухновенная книга нарицаемая Часовник, написана бысть в лето от мироздания 7400 (1891)-го года... Писал и сочинял Петр Аникич Рыжаков Федору Понтелеичу Ковалеву», «Сей Панахидник принадлежить Р. Я. Ведерникову. Собственнаго его написания», «Слава Богу наченшу и совершившу сию святую и богодухновенную книгу глаголемую Октай Певчей с Треоидни Постной и Цветной и отчасти Обихода.

Подщился написать многогрешный Василей Постник...1816 года». Запись на рукописи Евангелия тетр повествует нам о том, что «сия святая книга написана бысть в лето 1786. Аще когда прилучится кому в сию книгу вникнути, той прежде всех... молит о душевном спасении...божьему слузе... и христолюбивому воинству о мире и тишине всему православному христьянству... Сия книга... совершена мастерством и труды многеогрешнаго Никифира сына Нефедовых...».

Забайкальские писцы зачастую придавали создаваемым рукописям «личностный» характер. Об этом говорят и их записи: «Сия святая и богодухновенная книга нарицаемая Часовник… Писал и сочинял Петр Аникич Рыжаков…», «Стихи Макара Иванова», «Стихи Иона Власова» и т. д. Встречаются и прямые обращения к будущим читателям: «Прошу читателя со вниманием прочести писание и на полях написано проести асоби и сверить с книгами [зачеркнуто] а кругом зачерьтено асоби прочитать».

Размышления на страницах книг также подразделяются на несколько видов. Прежде всего – записи в форме заметок о содержании издания (иногда – с выражением отношения к этому читающего): «Разумной Этот Человек кто Это понимаить Сию книгу – или Кормчию». Книга была для старообрядцев и «собеседником». Здесь могли быть размышления – «О милости вельми поучительно. 256 л. об.», «Священство и жертва: одно без другого быти не может»; служебные пометки – «Перходи далше», «ета читай», «конец читай доцуда…ета ненада», «Зри службу сведих отец». К этой же категории записей относятся краткие отсылки типа «Иоанн, 7», «Деяния. 28», или совсем краткие: «Зри». Имеются они практически в каждом известном нам экземпляре. Встречаются и размышления о прочитанном в связи с современными читателю событиями. Так, на страницах сборника о приходе Антихриста на полях есть запись: «В сей странице слова теперешнего времени сбываются. 1919 год». Близка по смыслу к предыдушей и эта запись – «Аще кто незохриста – понахристи тот есть… Сотона ионтихрист!». Практически единичный случай – запись на форзацном листе «Обедницы»1921 г. неким «Г.Б.» духовных стихов собственного сочинения «Мысль».

Записи о книгах и знании встречаются нечасто. На переплетных листах Псалтырей и Часовников оставляли свои «автографы» ученики: «Ъхрема Ивланьтивича Мартынова Книга Чесовник учились мы Божесьтивинное Читание», «учитиль…верую во единого… илюшка афонька». В записях на книгах встречаются размышления старообрядцев о необходимости прилежания в «учении». На форзацном листе Шестоднева 1794 года записано: «Аще кто хочет много знать подобает тому мало спать». Ниже, другим почерком приписано еще одно замечание по этому поводу: «А глупому сыну не помощи ащи не спит». Встречаются и другие варианты первой фразы: «Аще кто хочет много знать, подобает тому мало жити».

В редких случаях на книгах оказываются сведения о догматических аспектах учения. Так, рукописный Часовник содержит на внутренней стороне форзацного листа «Описание лествицы». В «Кормчей» множество помет, в том числе и записи разных рук о количестве участников и правилах Вселенских Сборов. Иногда маргиналии уточняют имя автора сочинения или адреса писцов книг: «Это сочинение написано известным старообрядческим начетчиком – Симеоном Симеоновичем»; «Для выписки певчих книг: г. Барнаул ул. Больше-Олонская № 31

Волкову Артемону Иосифовичу».

Владельческие маргиналии – наиболее распространенный тип записей. Они не только персонифицируют владельцев книжных сокровищ, но и указывают на социальное положение владельцев книг: «Сия книзя Прохора сельца», «... Мухоршибирского волостному правлению старосты...», «Сия книга принадлежит Крестьянину Дмитрию Леонову Михайлову а писал ее Иван Иванович Баркасов Подписал Унтер-Офицер Михайло Софрин», «Сия богодухновенная книга глаголемая Минея Мухоршибирской волости села Жералдая крестьянина Кузьмы Золотарева». Многие книги передавались по наследству и сведения об этом также сохранились в записях, находящихся в конце текста книги или на переплетных листах: «Сия книга Нарицаемая Кормчая Романа Миронова Аленникова 1887 год», «Сия книга Нарицаемая Кормчая Принадлежит Давыда и Феодора Братьев Романовичей Оленниковых 1915 года марта 25 чис.. озеро Катокель».

Интересно сохранение «личностного» отношения владельцев к своим книгам и рукописям в XIX–XX вв. – «Сия список Михаила Архангела свсоеручно расписался Яков Павлов… Нихто кней права Неимееть косаться», «Эта книга мне пренадлежит, никуда не убежит, не в деревню, не в село, у меня ей весело».

Практически на протяжении столетия встречаются и записи о родственниках владельцев книг: «1859 года июля 12-годня родился сын наречен по крещению Петр…родилася доч Евдокия 1844 года февраля 1-го…184 го декабря 22-го дня приставилася родительница Федосья», «декабрь 26 1925-го Григорий вумир», «11 октября баба Кузеха именинница», «1942 года убит на войне 24 генваря Павлуцкий Фиефын Григоривич».

К маргиналиям мы относим и сведения о купле-продаже, размещенные на заключительных листах текстов: «Эта книга Моисея Парфеновича Брылева 1922 года Нарицаемая Шестоднев Купляла бабонка Елена Ивановна давала 7 рублей», «Сию книгу купил в Куйтуни у Фомы Федорова Афанасьева за цену 14 рублев. Маркел Ефимов», «Сия святая и богодухновенная книга, глаголимая Треодь цветная, куплена опшеством 1922 года мая 1 дня при наставнике Михаиле Яковлевиче Фетисовом за цену 27 пудов ярицы».

Мемориальные записи посвящены, как правило, событиям, связанным с хозяйственной деятельностью старообрядцев. Например, о полевых работах – «сеите [на] Раж[дес]тво Б[огороди]цы и [на] Воздвижи [ние]». Чаще всего «событийные» записи касаются домашнего скота: «17 апреля месяца 17 адали коров на дулванов», «лошоть родилось челуха 1912 в году 23 апреля». До середины XX в. сохранилась традиция писать заметки о домашней живности практически как о людях: «1971 г. Любка отелилась ... бычка черно-белого цвета шерсь назвали Гошкой», «Наша Манька гулялась 25го июня 1946 года. Писала Афанасьева С. Сейчас идет 1946 год. Я родилась 1931 года а брат 1929 года. Сестра 1920 года. Божественна книга».

Итак, содержание книжных маргиналий забайкальских старообрядцев разнообразно и многогранно. Они свидетельствуют об истории создания книги, ее судьбы, отношении читателя к книге и различным событиям духовной и культурной жизни своего времени, раскрывают имена их владельцев или принадлежность к определенному староверческому толку или согласию. Каждая группа записей несет значительный объем информации и может служить источником для

системной разработки различных тем отечественной истории и истории культуры.

Литература

1. Бородихин А. Ю. Рукописи и книги кириллической традиции государственных учреждений г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) : каталог / А. Ю. Бородихин, А. А. Юдин; науч. ред. В. Н. Алексеев. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. – 218 с.: ил.
2. Бураева С. В. Богодухновенные книги старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Улан-Удэ, 2003. – 102 с.
3. Бураева С.В. Аннотированное описание коллекции кириллической традиции ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 145 с.
4. Казанцева Т. Г. Певческие рукописи старообрядцев-семейских из собраний Улан-Удэ и Новосибирска. Каталог / научн. ред. А. Ю. Бородихин. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010. 356 с.
5. Книги кириллической печати в собрании Музея истории им. М.Н. Хангалова. Каталог. / сост. Ц.-Х. В. Очирова. – Новосибирск, 1999. – 119 с.
6. Корпус записей на старопечатных книгах. – Вып. 1. Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. – СПб., 1992. – 215 с.
7. Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения – 1976. – М., 1978. – С. 39-54.
8. Русские и иностранные рукописи научной библиотеки иркутского государственного университета. Ч. 1. Кириллические рукописи древнерусской и новой традиции / сост. Н. Д. Игумнова. – Новосибирск, 1995. – 242 с.
9. Старопечатные книги зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета. Каталог / сост. Н. Д. Игумнова. – Новосибирск, 2002. – 141 с.
10. Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах : монография. – М. : Наука, 1998. – 416 с.
11. Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. – М.: Наука, 2000.

УДК 002(091)(571.54)
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-277-282

© С. В. Бураева, А. А. Базаров

«Семейная книга» в древлеправославных и буддийских домашних библиотеках современной Бурятии
(типология происхождения и бытования)

На основе полевых археографических исследований рассматривается происхождение, состав и функционирование домашних библиотек старообрядцев и бурят-буддистов на территории современной Бурятии. Авторы отмечают, что книжно-рукописная традиция является одним из важнейших компонентов традиционной культуры и тесно связана с религиозными воззрениями. Эти факторы привели к формированию на территории исследования уникального культурного явления – «семейная книга». В статье приведены синхронные и диахронные сведения о репертуаре и традициях чтения. Авторы выдвигают предположение о взаимовлиянии уровня грамотности в среде старообрядцев и буддистов Бурятии и наличием большого числа семейных библиотек. Выдвигается идея о типологическом социально-культурном единстве, несмотря на генетические различия.

Ключевые слова: археография, книжная культура, книжно-рукописная традиция, старопечатные книги, рукописи, буддисты, старообрядчество, семейские, домашние библиотеки, Бурятия